

**«РОССИЯ СПАСЕТ МИР ОТ ВАРВАРСТВА И РАЗРУХИ»,
ПИСЬМО Э. БЕРКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЕ
ЕКАТЕРИНЕ II**

Данная публикация представляет собой перевод на русский язык письма выдающегося английского политического философа Эдмунда Берка русской императрице Екатерине II. Письмо написано в переломный для Европы момент – ноябрь 1791 г., когда мир уже находился на пороге длительного периода войн, заданных событиями Французской революции конца XVIII в. Читатель имеет возможность познакомиться с представлениями Э. Берка о роли России на международной арене в начале 90-х гг. XVIII в., системой его аргументации, а также неподражаемым стилем письма в духе обличителя пороков современного ему общества римского поэта Ювенала. Текст письма публикуется на русском языке впервые.

Ключевые слова: Британия, Екатерина II, Эдмунд Берк, Французская революция.

Время написания письма известного британского политического мыслителя консервативного направления Э. Берка российской императрице Екатерине II относится к переломному для Европы времени. Оно помечено 1 ноября 1791 г. и, что очевидно, его написание задавалось событиями так называемого Вареннского кризиса лета 1791 г., вызванного попыткой короля Людовика XVI бежать из охваченной революцией Франции. Это событие спровоцировало острый правительственный кризис, что сопровождалось резким снижением авторитета короля и монархии. На фоне разработки Национальным собранием новой конституции усложняется международное положение Франции. 27 августа 1791 г. австрийский император Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм II подписывают Пильницкую декларацию, угрожая Франции военной интервенцией. В октябре Людовик XVI присягнул новой конституции. Таким образом, осень 1791 г. – это период, во многих отношениях ставший рубежным для Французской революции. Именно в этих условиях Э. Берк решает написание письма российской императрице [Блуменану].

Автор письма Эдмунд Берк (1729–1797) – британский политик, известный как один из наиболее выдающихся политических философов консервативного направления. Берк сделал блистательную карьеру в британском парламенте, представляя там вигскую партию. К моменту написания письма парламентарий был уже широко известен как философ и политический деятель благодаря своим сочинениям и борьбе в парламенте за лояльное отношение к английским северо-американским колониям. Последние годы своей жизни парламентарий посвятил критике Французской революции и борьбе с политическими идеями, лежащими в ее основе [Чудинов, с. 371]. Э. Берк, как на своей родине, так и за рубежом стал настоящей иконой политического консерватизма, породив массу продолжателей в самых разных частях света. В Российской империи идеи Берка также были весьма востребованы и легли, по мнению специалистов, в основу политических учений целого ряда выдающихся русских политических мыслителей. Считается, что взгляды религиозно-консервативного мыслителя Константина Леонтьева (1831–1891) и обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева (1827–1907) генеалогически восходят именно к идеям Берка [Арефьев, Осипов]. Таким образом, влияние английского мыслителя на общемировую политическую мысль и, что не менее важно, русскую политическую мысль велико.

Источник был опубликован в девятом томе собрания сочинений Берка, выпущенного в 1826 г. Во введении к нему указывается, что данный источник изначально не предназначался для общественности и находился в личном архиве Берка. Указывается, что это письмо стоит в ряду так называемых «Писем на мир с царевубийцами» (“*Letters on a Regicide Peace*”), написанных в 1790-х гг. премьер-министру Уильяму Питту-младшему. Здесь Берк не приемлет идею возможности подписания мира с революционной Францией [Burk, p. 10]. Никакой информации о том, получила ли Екатерина II это письмо, пока обнаружить не удалось.

В некотором роде соучастником этого обращения Берка к Екатерине II является русский дипломат Семен Романович Воронцов (1744–1832), который был одним из наиболее видных англоманов в среде русского дворянства. На этот момент Воронцов занимал должность полномочного представителя России в Лондоне и к началу 90-х гг. XVIII в. имел здесь полезные связи и контакты. В период Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Воронцов приложил немало усилий, чтобы не дать англичанам вмешаться в войну на стороне турок. Сам Семен Романович, как и в целом представители семьи Воронцовых,

был сторонником установления дружественных отношений с Англией и придерживался консервативных взглядов [Половинкина, Шляпников, с. 62–83]. О нем Берк упоминает в первых же строках письма. Также Берк указывает на некоего мистера Фоукнера. Вероятнее всего речь идет об Уильяме Августе Фоукнере (1750–1811), британском дипломате времен Уильяма Питта-младшего, направленном с секретной миссией к Екатерине II [Mori, p. 95]. Наиболее вероятно, что именно через Фоукнера и Воронцова осуществлялась переписка. Также в письме есть указание на некоего «министра Ее Величества», направленного Екатериной в центр французской белой эмиграции – Кобленц. Скорее всего, имеется в виду Николай Петрович Румянцев (1754–1826), выполнявший по поручению Екатерины за границей ряд поручений династического характера [Очерки истории, с. 74]. В этом письме Берк подчеркнуто обращается к Екатерине II как частное лицо, философ-мыслитель [Burk, p. 133].

Главным мотивом послания Берка является стремление побудить Екатерину II к более активным действиям в отношении революционной Франции. Британский мыслитель, неоднократно подчеркивая могущество российской императрицы, стремится показать, что революция – это опасность, грозящая всем монархам Европы. Он постулирует, что судьба французского короля и судьба французской знати – это судьба миропорядка вообще. Для Берка Французская революция является «точкой невозврата», апокалипсисом. Европа неизбежно падет в хаос, который обратит «старый порядок» в прах. Философ считает, что лишь вмешательство России может спасти Европу.

В контексте этого философ формулирует концепцию «долга России перед Европой». По мнению автора, Россия в долгу перед Европой, поскольку когда-то она взяла за образец европейские нравы и переняла их. Теперь Россия обязана этот долг Европе вернуть, оградив эти нравы от поругания. Данная идея, а также и то, что Берк позиционирует себя «гражданином мира», высвечивает универсализм его политической позиции. Для английского мыслителя исторический опыт универсален, как и путь к достижению политического благополучия. Россия, с точки зрения Берка, заимствовала опыт Европы без необходимости переживать те же испытания, что выпали на долю европейских стран сейчас. Процесс заимствования опыта он называет «оцивилизыванием». Самое ценное в развитии цивилизации – это накопление человечеством опыта и его сохранение, что является ключевым в политической философии Берка. Именно история, как летопись проб и ошибок, учит людей (зачастую вне за-

висимости от их желаний), как следует обустроить политическую жизнь.

В данном контексте интересен подход Берка к добродетелям. Восхваляя добродетели Екатерины II, Берк обращает внимание на то, что важны не сами добродетели, а то, как они проявляются в действии. Не само по себе «великодушие», а то, как, оно определяет поступки Екатерины II, не сама по себе «прозорливость», а то, как она позволяет взглянуть на суть вещей. Закрепляет Берк этот подход, постулируя: «Опасно восхвалять добродетели до воплощения их в делах, им присущим» [Burk, p. 130]. Кроме того, Э. Берк развивает здесь идеи так называемого элитистского подхода. Для Берка элита – главная движущая сила развития общества, отсюда его приверженность принципам законности. В письме философ противопоставляет зачинщиков Французской революции («бандитов» и «убийц») королю и дворянству, которые «на самом деле» являются выразителями народной воли и носителями суверенитета. «Нация» (Nation), по мысли Э. Берка, находится не в Париже или других французских городах, а в Кобленце, где в этот период сформировался центр роялистской эмиграции. Наиболее полно позицию Берка на этот счет раскрывает цитата из его сочинения 1791 г. «Размышления о революции во Франции»: «Невежество народа может послужить хорошей основой лишь для недолговечной политической системы. Интересы активной части населения – вот основа вечная и крепкая» [Берк, с. 53]. Из текста письма очевидно, что для Берка власть, полученная путем насилия над правящей элитой, не может быть легитимна по определению.

Английский мыслитель не видит в народных массах, которые поддерживали французских революционеров, участника (актора) политических событий. Он пишет, что революционеров возвысила чудовищность их преступлений, а одним из главных их грехов является «отказ излечить народ от предрассудков и привить благоговение перед разумом». Это позволяет предположить, что для автора письма «массы» не только следуют за преступниками, но и в случае если их оставили без правильного наблюдателя, лишаются благоговения перед разумом и попадают в плен предрассудков. Таким образом, народ, поддержавший революционеров, похож на детей, попавших под влияние плохого воспитателя. Ему противопоставляются аристократы и другие промонархически настроенные элементы общества. Вот этот истинный «народ» – «nation» – встал на сторону Суверена и не пошел против закона.

Для Берка революционеры-террористы угрожают существующему миропорядку. Пойти на поводу у них, значит навлечь погибель на су-

шествующее устройство вещей, создаваемое поколениями, опыт которых Берк так чтит. Сущность позиции английского политика можно выразить тезисом – никаких переговоров с революционерами. Вполне возможно, задачей этого письма было призвать русскую императрицу присоединиться к Пильницкой декларации. Если революционеры – враги всех суверенов, то логичным решением будет объединиться всем суверенам против них. Таким образом, Берк вступает в борьбу против революционеров еще до того, как это сделает Британское правительство.

На русском языке текст письма публикуется впервые.

Мадам,

Граф Воронцов, посланник Вашего Императорского Величества, и мистер Фоукнер сообщили мне, в какой чрезвычайно любезной манере Ваше императорское Величество, и по Вашему примеру великий князь и великая княгиня (речь о наследнике престола Павле и его супруге Марии Федоровне – Б. Г.), удостоили принять мои скромные усилия служению делу, которое соединяет права и обязанности Суверенов с подлинной пользой и благом народа.

Если, доверившись восхвалениям проистекающим из Вашего собственного великодушия, позволю себе прямо обратиться к Вашему Императорскому Величеству с выражением моей благодарности за столь высокую честь, надеюсь, что это не будет расценено как самонадеянная навязчивость.

Я также надеюсь, что искреннее почтение, которое я питаю к высшим и действительным добродетелям, которыми отмечено Ваше Императорское Величество и которые составляют счастье такой большой части света, не будет рассматриваться в духе низкопоклонства перед властью и величием. В моем скромном положении я в состоянии лицезреть Величие в его великолепии, не будучи ослепленным его блеском и способным к уважению на его закате.

Именно это, Мадам, с сильнейшим сочувствием тому, что является проявлением достоинства в незаслуженном несчастье, заставляет меня поздравить Ваше Императорское Величество с тем, как Вы недавно распорядились своей властью. Принцы и дворянство Франции, которые по долгу чести, своему происхождению и принципу, связанные с этой несчастной короной, испытали Вашу благосклонность и поддержку, и нет никаких сомнений в том, что они, наконец, получают

все преимущества Вашей защиты. Великодушие Вашего Императорского Величества побудило Вас проявить интерес к их участи; и Ваша прозорливость заставила Вас понимать, что учесть Суверена Франции – это испытание для всех Суверенов; участь этой церкви – [испытание] для всех церквей; и что участь этого дворянства испытывает основание всех респектабельных порядков всего общества, и даже в принципе общества как такого.

Ваше Императорское Величество отпустило Вашего посланника пребывать там, где корона Франции, находящаяся в бедственном положении королевской власти, единственно может по-настоящему и свободно быть представлена в соответствии с ее королевским статусом, где единственно нация может быть представлена в ее естественном и неотъемлемом достоинстве. Трон не может быть тюрьмой. Честь нации не может быть представлена собранием, которое позорит и унижает ее [Корону]; только в Кобленце король и нация Франции могут обосноваться.

Ваше Императорское Величество, которое правит и живет для славы, благородно и мудро пренебрегает связью Вашей Короны с кликой, целью которой является ниспровержение всех Престолов.

Вы не признали этого всеобъемлющего открытого врага частью европейской системы. Вы отказались запятнать каким-либо образом блеск своей Империи связью с кучкой фанатичных узурпаторов и тиранов, поднявшихся из отбросов общества и вознесенных до их пагубного величия чудовищностью их злодеяний; сборище тиранов, абсолютно лишенных хотя бы одного сколько-нибудь выдающегося качества хоть в одном из них, которое могло бы вызывать благоговение в нашем разуме или обольстить им, исходя из наших предубеждений. Эти враги Суверенов должны быть удостоены, если вообще чего-то достойны, одного – вражды. Для них нечего больше рекомендовать.

Мадам, опасно восхвалять любую человеческую добродетель до воплощения ее в делах, ей присущих. Но в выражении моей позиции – что, я надеюсь, является или станет общим мнением, – восхищения тем, что Вы сделали, я ничем не рискую. В случае Вашего Императорского Величества заявление и исполнение, начало и конец есть, несмотря на различные ситуации, – одно и то же.

По убеждению и заявлению некоторых первых властителей Европы, несколько тысяч человек, понимаемые как лучшие люди и лучшие сеньоры Франции, оставили свою страну, свои дома, свои состояния, свои занятия, все, что у них было; и сейчас находятся в чужих землях,

сталкиваясь с самыми тяжелыми проблемами. Какая бы опасность не грозила, никто не боится, что они могут быть окончательно оставлены на произвол судьбы. Такое небрежение невозможно без решительного забвения публичного и частного уважения Суверенной власти как таковой, и без нанесения непоправимого ущерба ее интересам. Это дало бы повод представлять монархов как естественных врагов друг другу; и что они никогда не поддерживают и не относятся сочувственно ко всякому подданному Брата-Принца, кроме тех случаев, когда они поднимают восстание против него. Мы, отдельные лица, просто зрители этого действия, но ищущие наших свобод под сенью законной власти и, конечно, сочувствующие пострадавшим в данном случае, никогда не дадим себе поверить, что такое событие может обесчестить историю нашего времени. Единственное, чего следует опасаться, так это промедления, которое может привести к множеству бед. Твердость страдающих будет поколеблена; власть тиранов утвердится. Уже множество французских офицеров, движимых из своих отдельных корпусов надеждами, инспирированными свободно провозглашенной готовностью Суверенов, покинули все посты, на которых они могли бы в один прекрасный день действительно послужить доброму делу – брошенные на врага.

Заслуженное влияние Вашего Императорского Величества, которое по-прежнему превышает Вашу обширную власть, воодушевит и ускорит усилия других Суверенов. Из Вашей мудрости другие государства уяснят, что они – которые ждут пока все европейские державы одновременно не сольются в одном порыве, – вообще никогда могут не сдвинуться. Добавило бы к беспрецедентным бедствиям нашего времени [представление о том, что] если бы невиданное доселе единение сочувствия во многих странах должно было бы указать на саму причину отказаться от [корыстной] выгоды, которая должна проистекать из их общей благой цели. Ни один Суверен не может подвергнуться какому бы то ни было риску из-за замыслов других Государств, пока занят этим славным и необходимым делом. Если какая-то угроза может возникнуть, Ваша сила и справедливость защитили бы Ваших союзников от всякой опасности. Мадам, Ваша слава достигнет своего полного величия, если, после того, как Вы дали мир Европе своей сдержанностью, Вы дадите стабильность всем ее правительствам своей энергией и решительностью. Долг, который августейшие предшественники Вашего Императорского Величества взяли на себя через [восприятие] древних нравов Европы, с помощью которых они цивилизовали огромную империю, будет благородно погашен за счет

сохранения этих нравов от ужасных перемен, которыми они теперь подвергаются. Благодаря вмешательству России мир будет спасен от варварства и разрухи.

Частное лицо далекой страны, само по себе совершенно ничего не значащее, никем не уполномоченное и ни с кем не связанное, не как английский подданный, а как – гражданин мира, осмеливается открыть свои мысли одному из величайших и мудрейших Суверенов, каких только видела Европа. Он делает это без страха, потому что ответственность за его слабость (если таковая есть) не несет ни его Король, ни его страна или его друзья. Он не боится, что обидит Ваше Императорское Величество; потому что, будучи безопасным само по себе, истинное величие всегда открыто; и потому что с уважением говорить то, что мы считаем правдой, – это лучшее признание того, что заслуживает истинное достоинство.

Мадам, со всем возможным уважением и почтением,
Вашего Императорского Величества
покорный и смиренный слуга

Эдм. Берк.
Биконосфилд,
1 ноября 1791

Арефьев М. А., Осипов И. Д. Идеиные истоки и ценности русского консерватизма // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 172–183.

Берк Э. Консерваторы и Революционеры // Консерваторы без либералов и революций. М., 2017. С. 11–330.

Блуменау С. Ф. Неудавшееся бегство Людовика XVI и позиция либерального большинства Учредительного собрания Франции // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 130–133.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. М., 2002. Т. 3.

Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 62–83.

Чудинов А. В. Берк // Большая российская энциклопедия. М., 2005. С. 371.

Burk E. Letter to the Empress of Russia // The Works of Edmund Burke. Vol. 9. L., 1826. P. 128–134.

Mori J. William Pitt and the French Revolution, 1785–1795. Edinburgh, 1997.

Гаврилин Борис Александрович
магистрант кафедры новой и новейшей
истории
Уральский федеральный университет
620002 Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: boris.gavrilin@gmail.com

Boris Gavrilin
MA student, Department of Modern and
Contemporary History
Ural Federal University
19 Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
E-mail: boris.gavrilin@gmail.com

**“Russia Will Save the World from Barbarism and Ruin”,
a Letter by Edmund Burke to the Russian Empress Catherine II**

This publication is a Russian translation of the letter by an outstanding English political philosopher Edmund Burke to the Russian Empress Catherine II. The letter was written at a critical moment for Europe, in November 1791, when the world was already at the brink of a long period of wars that was set by the events of the French Revolution in the late 18th century. The letter outlines Burke’s ideas about the role of Russia in the international arena in the late 18th century, and presents his system of argumentation, as well as his inimitable style of writing following the Roman poet Juvenal, who exposed the vices of his contemporary society. The Russian translation is published for the first time.

Keywords: Britain, Edmund Burke, Catherine II, French Revolution.